

мационное пространство. Постмодерн осуществляется именно в культуре и через культуру. Поэтому неизмеримо возрастает роль и ответственность журналистики в обществе.

Когда-то мы полагали, что средства массовой информации есть отражение нашего мира, рефлексивный взгляд общества на само себя, зеркало, в которое мы смотримся. В процессе глобализации средства массовой информации превращаются в самостоятельную реальность. Они уже формируют жесткую реальность: жесткий мир начинает существовать для телевидения, для печати, для паблик рилейшнз. Все так называемые содержательные программы настраиваются на то, что в первую очередь должны зазвучать в виртуальном мире средств массовой информации. Между тем, обвиняя современные массмедиа в ретрансляции «негативной» (вариативной) информации или больше того – в информационной дестабилизации восприятия мира, мы отвергаем их стремление соответствовать запросам современного постмодернистского мышления.

Литература

1. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн: перевод с английского В.Г. Николаева. – М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. – 464 с.
2. Рыгайс, Е.В. Интернет: за пределами сакрального / Е.В. Рыгайс // Меди-афилософия IV: Методологический инструментарий медиафилософии. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – С. 29–32.
3. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос, 2002. – 128 с.
4. Brooke-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brooke-Rose // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought. – Stanford, 1986. – P. 184–196.

Марина Загидуллина

Челябинский государственный университет (Россия)

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА: К ВОПРОСУ О ДЕВЕСТЕРНИЗАЦИИ И ИНДИГЕНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Политические, культурные, экономические события последнего времени, связанные с медиапространством, позволяют судить о серьезных изменениях в публичной сфере: процессы глобализации, рассматриваемые многими исследователями как основная тенденция последних десятилетий, уступают место «хору неслиянных голосов» отдельных культур. Эти общие тенденции проявляются и в журналистике – как в практической деятель-

ности профессионалов, так и в научном направлении, в том числе и в таком ответвлении исследований, как *journalism cultures*, становящемся все более популярным в исследовательском поле, представленном разными странами.

Основные понятия, составляющие терминологический базис этого исследовательского направления, – девестернизация и индигенизация. Первое понятие представляет собой процесс пересмотра нормативного подхода к журналистике как единственно правильного и возможного (фактически является способом критики сложившихся систем практической журналистики и исследований, с ней связанных). Второе понятие по сути является созидательным, конструктивным: на место «низвергаемой» англо-американской («англо-саксонской») модели журналистики выдвигается национально (этнически, культурно, традиционно) ориентированная концепция коммуникации, которая и определяет уникальную (индигенизированную – от лат. *indigo* «туземный») модель журнализма, сформированную в данном культурном пространстве. Фактически речь идет о научном исследовании коммуникативных традиций (социокультурного ядра медиасистемы) в рамках исследования журналистики.

Для того чтобы понять, почему многие специалисты в странах Востока, Юга встали на позиции девестернизации, следует указать на концепцию Д. Лернера о трансляции демократических и либеральных ценностей в развивающиеся общества посредством медиасистем, конкретнее – средств массовой информации. Работа Д. Лернера 1958 года (*The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*, N.-Y., Free-Press, 406 p.) постулировала результат изысканий целого коллектива авторов, разрабатывавших концепт модернизации как политический инструмент. Она оказалась чрезвычайно влиятельной. В работе Елены Фэр, основанной на анализе 224 исследований в сфере коммуникации в период 1958–1986 гг., отмечается исключительное доминирование модернизационного подхода, предполагавшего трансфер демократии на «крыльях» прессы, ориентированной на американские гражданские ценности (Fair, J. E. *29 Years of Theory and Research on Media and Development: The Dominant Paradigm Impact // Gazette*, 1989, 44, pp. 129–150). Однако второй виток исследования (результаты которого были опубликованы в 1997 г.) показал, что имя Лернера из исследовательских работ исчезает и появляется множество теорий коммуникации и журнализма, альтернативных американской модели (Fair, J.E. & Shah, H. *Continuities and Discontinuities in Communication and Development Research since 1958 // Journal of International Communication*, 1997, 4(2), pp. 3–23). По мнению теоретика журнализма Дж. Серваеса, исследование Е. Фэр дает возможность видеть поворот от американоцентричных и глобальных теорий журнализма к поиску национальных самобытных моделей (J. Servaes, ed. *Approaches to Development Communication*. Paris: UNESCO,

2002). Это стало возможно, в первую очередь, потому что журналистика, построенная на англо-саксонских постулатах и ценностях (признаваемых во всем мире), оказывалась бессильна изменить коммуникативный код конкретных не-западных культур, оказывалась в миноритарной позиции. Долгие годы эта ситуация рассматривалась как знак незрелости конкретных наций, а деятельность журналистов, пытающихся развивать публичную сферу своих стран в направлении сложившихся моделей британского или американского типа, воспринималась как подвижничество. Но к концу XX века стало очевидно, что дело не в отсталости социумов, а в несовпадении горизонтов ожидания аудитории (массы), строящей коммуникацию на основе традиции, и чуждых этой традиции профессионалов журнализма, действующих на основе идеалов прессы, выработанных в других культурах.

Девестернизационный поворот концептуализируется в зарубежной научной мысли в конце XX – начале XXI веков (ключевые коллективные монографии: Curran, J., Park, M. J., eds. *De-Westernizing Media Studies*. – London: Routledge, 2000; Hallin, D. C., Mancini, P. *Comparing media systems: Three models of media and politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004). В этот период активизируются теоретики массовой коммуникации в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Дж. Серваес отмечает, что на смену американоцентризму приходит азиацентризм. От мультикультурных концепций соизмеримости и буддийского журнализма (S. Gunaratne, G. Wang) исследователи переходят к концептуализации своих подходов как глобальных, претендуя на универсализм предлагаемых теорий (Gunaratne, S., Pearson, M. and Senarath, S., eds. *Mindful Journalism and News Ethics in the Digital Era: A Buddhist Approach*. London: Routledge, 2015, 240 p.). При этом значимо, что для исследователей опорной точкой становится научный анализ социокультурных кодов стран, которые они изучают (представляют). Принципиальной следует признать работу Дж. Серваеса “Guanxi in intercultural communication and public relations” (*Public Relations Review*, available online 22 October 2014, <http://dx.doi.org/10.1016/j.pubrev.2014.10.001>, URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0363811114001428>), в которой предлагается научно обоснованный подход к выявлению социокультурного кода коммуникативной системы определенной нации (на примере китайской культуры). Дж. Серваес ссылается на труды Герта Хофстеде, посвященные культурным различиям разных стран и постулирующие шесть основных шкал, по которым в принципе возможно «горизонтальное измерение» культур. Такой подход исключает господствовавший прежде «вертикальный» способ сравнения, где были культуры «высшего порядка», «развивающиеся страны» и т. п. иерархии культур. Семь шкал Г. Хофстеде (Hofstede, G. *Cultures and organizations. Software and the mind*. – London: McGraw Hill, 1991 и др. работы этого исследователя) могут рас-

смагиваться как инструмент научного определения специфических черт конкретной культуры и уже успешно применены теоретиками национальных моделей журнализма.

Что касается ситуации в российской теории журнализма, то мы, скорее, находим развитие journalism cultures в изучении внутрив профессиональных отношений, профессиональной рефлексии и самосознании российских журналистов, оцениваемых в рамках англо-американской модели (ключевая позиция которой – дистанцирование журналистики от власти в интересах развития гражданского демократического общества). Отечественные медиаисследователи принимают участие в международных изысканиях, ориентированных на модель Лернера (когда американская модель журнализма признается образцовой, а любые отклонения от нее рассматриваются как знак недостаточной развитости и модернизации медиасистем). Из наиболее крупных исследований такого типа упомянем опрос 2100 журналистов, проведенный WJS (Worlds of Journalism Studies), в котором принимала участие и Россия (исследователь М. Е. Аникина, МГУ: Hanitzsch, T., Hanusch, F., Mellado, C., Anikina, M., Berganza, R., Cangoz, I., Coman, M., Hamada, B., Hernandez, M. E., Karadjov, C. D., Moreira, S. V., Mwesige, P. G., Plaisance, P.L., Reich, Z., Seethaler, J., Skewes, E. A., Vardiansyah Noor, D., & Yuen, K. W. Mapping Journalism Cultures across Nations: A Comparative Study of 18 Countries // Journalism Studies, 2011, 12, pp. 273–293 и др. работы). М.Е. Аникина сосредоточена именно на изучении профессиональных принципов журналистов в России (см. ее статью «Journalists in Russia» в сборнике «Journalism in Russia, Poland and Sweden – traditions, cultures and research», ed. Gunnar Nygren, 2012, pp. 13–31).

Именно концепт свободной прессы и демократических ценностей положен в основу оценки журналистских моделей и исследовательских подходов к журналистике в исследованиях А. Литвиненко (сопоставление российской и немецкой медиасистем как объекта научного рассмотрения, Litvinenko A. A New Definition of Journalism Functions in the Framework of Hybrid Media Systems: German and Russian Academic Perspectives // Global Media Journal, German Edition, Spring/Summer 2013, Vol. 3, No. 1). Рассматривают особенности российской журналистской профессиональной культуры и другие авторы (К.Р. Нигматуллина, Б.Н. Лозовский, В.Ф. Олешко, В.Д. Мансурова, С.К. Шайхитдинова и др.). Для них и многих других исследователей основной принцип рассмотрения – сопоставление российской модели с «идеальной» англо-американской. Общее отношение к недостаткам российского варианта журнализма выразила Е.Л. Вартанова в коллективной монографии Халина и Манчини (отметив зависимость российской журналистики от коммерческой и политической составляющей, а также инфантилизм отечественного журнализма, неизбежно ока-

зывающегося под патронажем каких-либо идеологов (Vartanova, Ye.L. The Russian Mass-media model in the context of Post-Soviet Dynamics // Halin, D. & Mancini, P. (Eds.) Comparing media-systems beyond the Western world. NY, Cambridge: Cambridge University Press, 2012, pp. 119–142). Особо следует отметить труды С.Г. Корконосенко, отмечающего необходимость выработки собственного взгляда на отечественную массовую коммуникацию (в основе его подхода – теория социальных ролей журналистики, а также теория поля П. Бурдьё – Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : СПбГУ, 2014. – 272 с.; Korkonosenko, S.G. Russian Journalism Theory in a Changing Global Context // Asian Social Science, 2015, vol. 11, no. 1, pp. 329–334).

Таким образом, мы видим нарастающее противоречие: с одной стороны, ученые не-западных стран активно разрабатывают собственные концепции журнализма, опирающиеся на идеи девестернизации и индигенизации, ищут уникальные национальные основы массовой коммуникации, не связанные с концепцией модернизации и расцвета демократии по американскому типу, а с другой – в рамках российских медиаисследований продолжает реализовываться концепция «недостаточного соответствия» заданному идеалу (причем эта концепция равно реализуется в профессиональной саморефлексии журналистов, осознающих разрыв своей практической деятельности с «нормативной теорией», в научно-исследовательских трудах, опирающихся на опросы, основанные на выявлении соответствия практики этим стандартам, априори признаваемым универсальными, образовательной парадигме, реализуемой в виде учебников по теории и практике журналистики). Карл Якубович метко охарактеризовал тип журнализма на всем постсоветском пространстве как результат «грубого пробуждения», когда после падения коммунистической цензуры СМИ стран Восточной Европы сразу резко переключились на нормативную модель, не подвергая сомнению ее ценность и единственно возможную «правильность» (Jakubowicz, K. Rude awakening: Social and media change in Central and Eastern Europe // The Public, 2001, N 8 (1), pp. 59–80).

Очевидно, что в российской медианауке назрело время анализа современного состояния медиасистемы с позиций социокультурного кода, методика выявления которого предложена зарубежными теоретиками журнализма и мультикультурализма, но должна быть адаптирована к российской социокультурной ситуации. Возможно, такой подход мог бы оказаться продуктивным и в аналитической мысли белорусских исследователей, изучающих информационное пространство и факторы, влияющие на него.

ЖУРНАЛІСТЫКА – ПРАФЕСІЯ АСАБЛІВАЙ ВЕРБАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ

Абмен сацыяльна значнай інфармацыяй мае даўнюю гісторыю, хаця як род прафесійнай дзейнасці журналістыка вылучаецца зусім нядаўна. Перадумовы яе ўзнікнення цесна спалучаны з вырашэннем трыадзінай задачы рыторыкі: паведамляць, інфармаваць, адукоўваць, пераконваць (*docere*), узбуджаць, падштурхоўваць, рухаць, падахвочваць да дзеяння (*movere*) і забаўляць, задавальняць, прыносяць асалоду, выйграваць сімпатыі (*delectare*). Іншымі словамі, журналістыцы наканавана было сканцэнтравана на трох фактарах – інфармуючы, даказваць ісціннасць таго, пра што паведамляецца, чым падахвоціць аўдыторыю да пэўнага дзеяння, і, уплываючы на яе эмацыянальны стан, заваяваць сімпатыі, схіліць на свой бок.

Вытворчасць інтэлектуальнай пераканаўчасці магла грунтавацца на канкрэтных аргументах ці на пэўных заявах пра факты, сведчаннях. У гэтым сэнсе выдзяляліся дзве формы *docere*: паведамленне (напрыклад, пералік фактаў, падзей) і сведчанне (напрыклад, у якасці аргумента ці комплекснага аргумента). Спатрэбіліся амаль два тысячагоддзі, каб выведзенае Маркам Туліем Цыцэронам ў трактате «*De oratore*» азначэнне «*docere*» набыло сістэмную і асноваўкладальную арганізацыю ў метадалогіі журналісцкай навукі.

Вылучаныя, паводле прынцыпу адлюстравання, прафесарам Стральцовым метады канстатацыі і інтэрпрэтацыі арганічна ўпісваюцца ў цыцэронаўскую канцэпцыю (шчыра прызнацца, забытую (!) на доўгія стагоддзі), развіваюць яе, узбагачаюць з высылкаў сучаснага камунікацыйнага працэсу. Прыслухаемся да Стральцовых слоў: «Сутнасць канстатацыі – у фіксацыі фактаў, падзей, сітуацый і да т. п. Пад інтэрпрэтацыяй разумеецца растлумачэнне, аналіз, супастаўленне, ацэнка, сінтэз, раскрыццё сэнсу тых жа аб’ектаў адлюстравання» [2, с. 5–6].

Вынайзденая ў часы афінскай дэмакратыі і развітая антычнай рыторыкай мадэль камунікацыі *docere – movere – delectare*, у розныя эпохі перараблялася на свой манер. Часам з яе наўмысна выдаляліся складнікі, як гэта адбылося з апошнім у савецкія часы, ці дадаваліся новыя: напрыклад, ленінскае – «агітацыя і прапаганда», амерыканская прапагандысцкая мадэль – «тэорыі даміно», паслядоўным крытыкам якой выступае Ноам Хомскі, і інш.

У эпоху інфармацыйнага грамадства, на фоне ІТ-працэсаў абмен інфармацыяй адраджаецца ў полі дзеяння камунікатыўных тэорый Сакрата, Платона, Арыстоцеля і Цыцэрона, супрацьпастаўленых тэорыям сафістычным, ідэі якіх, заўважым, трымаюцца і распаўсюджваюцца з поспехам сёння. Добрай падставай такога адраджэння ёсць дагэтуль невядомая для